

Бомж и Федор Михайлович

Федор Михайлович - это писатель Достоевский. Слова «бомж», естественно, в его времена не существовало, как, впрочем, и слово «босьяк», вынесенное в заглавие воспоминаний Н.Репина о Достоевском, тогда еще не было включено в обывательский лексикон, уличные же забулдыги были известны под именем «взяемских кадет». Несмотря на то, что их не возвел еще в герои Максим Горький, взяемские кадеты и тогда уже кичились своей принадлежностью к категории «бывших людей» и, протягивая руку за милостыней, в большинстве случаев говорили: «Подайте кельк-шоз бла-ародному человеку». Современные нам «бывшие люди», бомжи то есть, столь витиевато не выражаются, но повадку своих предшественников сохраняют. Да и само слово «бомж» распространилось нынче в нашем обиходе так широко, что в переводах демонстрируемых по отечественному ТВ американских фильмов именно так называют тамошних, штатовских, бездомных. Так что, полагаю, я вправе вынести это новое словечко в заголовок заметки об изданном в Санкт-Петербурге фирмой «Андреев и сыновья» сборнике «Ф.М.Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников».

Не стану подробно характеризовать ни принцип подбо-

ра, ни авторов мемуарных свидетельств, которые оставались по цензурным, идеологическим и иным соображениям за пределами дважды издаваемого двухтомника «Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников» и только теперь пришли к читателю в рецензируемой книге. Не коснусь и примечательной полемики составителя сборника литературоведа С.В.Белова с Н.Н. Страховым и нашими современниками Б.Бурсыным, О. Чайковской, И.Волгиным - полемики, главная цель которой, как и издания в целом, доказать, что единственно возможный подход к пониманию личности великого русского писателя - это нравственный, христианский подход, выраженный пушкинской формулой «Гений и злодейство - две вещи несовместные».

Перескажу лишь один эпизод, запечатленный пером журналиста Н.Репина, необычайно ярко характеризующий автора «Братьев Карамазовых», в надежде привлечь к книге внимание тех, кто читает и перечитывает сочинения Достоевского, что размышляет о его личности.

Итак, на одного из таких босьяков, бомжей, наткнулся однажды в праздничный день Ф.М.Достоевский. По обыкновению сосредоточенно глядя себе под ноги, шел Федор Михайлович по Николаевской

улице, когда подскочил к нему субъект с опухшей от пьянства физиономией и сигло пробурчал: «Кельк-шоз бла-ародному человеку!..» То ли не услышав попрошайку, то ли по другой какой причине, но писатель задумчиво продолжал свой путь. И тут с криком: «Сытый голодному не верит!» босьяк размахнулся и ударил Достоевского кулаком по голове. Удар был так силен, что писатель упал на мостовую, отлетев при этом от тротуара аршина на два.

Городовой подскочил к Достоевскому, помог встать на ноги, кто-то из прохожих поднял катившуюся по тротуару шляпу и возвратил ее по принадлежности. Бросившийся бежать босьяк был, по свистку городского, задержан одним из дворников.

Оправившись от удара и падения, Достоевский надел поданную ему шляпу и, как ни в чем не бывало, хотел пойти своей дорогой. Когда городовой попросил у него визитную карточку как у свидетеля для привлечения драчуна к ответственности, Достоевский заметил:

- Я на него никакой жалобы не заявляю.

Городовой настаивал. И тогда Достоевский написал карандашом на вырванном из записной книжки листке: «Федор Достоевский. Жительство имею: угол Кузнецкого пер. и

Ямской улицы, д.№ 5. От обвинения неизвестного мне человека отказываюсь».

В назначенный день явился Ф.М.Достоевский в камеру мирового судьи 13-го участка и вновь отказался от обвинения босьяка, оказавшегося колпинским мещанином Егоровым, за оскорбление действием.

- Очень жаль, - заметил судья, - сегодня он ударил вас, завтра ударит другого... Если все будет отказываться от преследования героев взяемской лавры, от них проходу не будет в Петербурге.

- Я отказываюсь от преследования этого человека по двум причинам, - сказал писатель. - Во-первых, я не могу с уверенностью сказать, что именно этот человек меня ударил, а не кто-либо другой, потому что я не видел лица того человека, который нанес мне удар по голове. Это раз. Во-вторых, я никак не могу допустить той мысли, чтобы человек в здравом уме, ни с того ни с сего, ударил своего ближнего кулаком по голове. Если он это сделал, значит, он ненормален, значит, он больной... А больному надо лечить, а не наказывать...

На замечание судьи, что Егоров был пьян, как стелька, обвиняемый спросил свидетеля, не помнит ли тот, что, прежде чем ударить, он сказал, что сытый голодному не верит.

- Эту фразу я действительно слышал тогда, - подтвердил Достоевский, - и вполне допускаю, что голодный человек может быть озлобленным, в особенности когда он не находит отклика в своих просьбах о куске хлеба. Злоба этого голодного человека нашла себе утешение в ударе кулаком по голове того прохожего, который не услышал его просьбы о помощи. Судьбе угодно было, чтобы этим прохожим оказался я, и я не ропщу на это.

И когда судья вскричал, что закатит босьяка на месяц в кутузку, дабы впредь знал, как вымещать свою злобу на прохожих, Достоевский заметил, что решение - дело совести судьи, он же просит принять три рубля и передать эти деньги обвиняемому после отбывания наказания в тюрьме. Подав судье трехрублевую кредитку, Достоевский поклонился и вышел из камеры.

Судья, выполняя просьбу великого русского писателя, освободил Егорова от наказания.

Такой вот случай. Такая жизненная ситуация. Более чем актуальная для москвичей сегодня. Как бы мы поступили при подобном казусе с нами? Уж, конечно, не так, как Достоевский. И сколь далеко ушли мы по пути добра к концу двадцатого века?

Т.СЕРГЕЕВА.